

Научная статья
УДК 94 (47) «1914/1918»
DOI 10.47438/2309-7078_2023_1_151

СУХОЙ ЗАКОН 1914 ГОДА И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ В ПРОВИНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Владислав Александрович Колесников¹

Костромской государственный университет¹
Кострома, Россия

¹Аспирант кафедры истории, ORCID ID: 0000-0001-6928-9605, e-mail: vladkoles95@yandex.ru

Аннотация. Первая мировая война внесла ряд изменений в жизнь российских обывателей. Помимо ряда структурных кризисов население столкнулось с сухим законом. С началом войны была прекращена продажа алкогольных напитков, введена система штрафов и запретов на продажу спиртного, появление в общественных местах в нетрезвом виде и т.д. Население изначально встретило сухой закон на волне патриотического подъема с воодушевлением. В Костромской губернии звучал призыв о прекращении торговли алкоголем «навсегда», с инициативами выступали земства, думы, крестьянские сходы. Однако вскоре любители напитков крепче стали искать способы заполучить алкоголь или его заменители. В ходу был денатурированный спирт, одеколон и другие спиртосодержащие жидкости. В Костромской губернии частым явлением становились случаи отравления суррогатами. В деревнях крестьяне продолжали изготавливать спиртные напитки. Активизировалось самогонование, фиксировались случаи приведения денатурата в пригодное к употреблению состояние. В 1917 году отдельные представители населения похищают алкоголь из казённых винных складов. Фиксируются факты погромов. Сухой закон в итоге стал одним из слагаемых общественного недовольства в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Костромская губерния, алкоголь, сухой закон, самогонование, погромы.

Для цитирования: Колесников В.А. Сухой закон 1914 года и отношение к нему в провинции (по материалам Костромской губернии) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2023. № 1. С. 151–156. DOI: 10.47438/2309-7078_2023_1_151

Введение

Ограничение продажи алкогольных напитков произошло в 1914 г. с началом Первой мировой войны. С одной стороны, соответствующие положения публиковала местная власть, а с другой – само местное население изъявляло желание к прекращению торговли спиртным. Сельские сходы голосовали за закрытие кабаков и за запрет торговли спиртным. Следует отметить, что все эти меры реализовывались на волне патриотического подъема, который испытывало российское общество. На первых порах был виден ряд положительных моментов – сократилось число грабежей и пожаров. Однако антиалкогольные настроения продержались недолго. Сухой закон был рискованным социальным экспериментом [1]. Уже к концу 1914 г. в Костромской печати стали появляться сообщения о пьяных обывателях на улицах города. Местное население, лишённое алкоголя,

стало употреблять лаки, политуру, денатурированный спирт, киндер-бальзам. За годы войны активно развилось самогонование. В 1917 г. новой вершиной борьбы стали погромы винных складов.

Результаты

Одним из ключевых элементов регулирования общественной жизни в России с началом Первой мировой войны стало введение сухого закона. С объявлением мобилизации повсеместно была запрещена продажа алкоголя. 17 июля 1914 г. в Костроме были закрыты казённые винные лавки, пивные, рестораны, кроме перворазрядных, ренсковые погреба и т.д. [2, с. 2] На волне подъема патриотизма в русском обществе эта мера казалась удачной. За первые 2–3 недели в Костромской губернии уменьшилось число преступлений и пожаров. В местной печати звучал призыв возбудить ходатайство о запрете продажи спиртных напитков навсегда, о необходимости

народного просвещения. Пучежский городской голова хлопотал перед губернатором о закрытии в Пучеже всех мест, торгующих алкоголем [3, с. 3]. Вопрос о закрытии питейных заведений поднимался в Костромской городской думе [4, с. 3], Ветлужской городской думе [5, с. 3], Кадыском кредитном товариществе [6, с. 3], Нерехтской земской управе [7, л. 232], сельском сходе села Куниково Костромского уезда [8, с. 3]. Крестьяне Костромской губернии на сельских сходах выносили приговоры о запрете продажи алкоголя [9, л. 183]. 11 городов и посадов высказались за полное прекращение продажи спиртных напитков в России. В газетах писали, что винные лавки будут закрыты до конца войны [10, с. 3]. В общем, с началом Первой мировой войны население относилось к сухому закону вполне позитивно, с сочувствием и пониманием.

У запрета алкоголя была и иная сторона. Для ряда категорий людей это мероприятие стало роковым. В Костроме распалась артель «зимогоров» – грузчиков и чернорабочих на пристанях, которых в коллектив объединял алкоголь: обыкновенные обрванцы приняли «человекообразный вид» вследствие того, что при всём желании не имели возможности потратить заработанные деньги [11, с. 3]. В первые дни введения сухого закона было отмечено несколько случаев смертей жителей города, не сумевших опохмелиться. Запрет водки запустил механизм поиска её заменителя, которым очень быстро стали суррогаты, употребление которых усугубило проблему. Однако этот механизм сработал не у всех городских обывателей, а только у тех, кого можно назвать алкоголиком – у этой категории горожан употребление заменителей стало бытовым явлением [12]. Денатурированный спирт был техническим средством и использовался, например, в качестве топлива для осветительных ламп и подкрашивался в фиолетовый или зелёный цвет. Стоил он дешево и не облагался налогами [13].

24 сентября 1914 г. губернатор г. Костромы постановил запретить продажу виноградных вин из ренсковых погребов и других заведений [14, с. 2]. Это распоряжение должно было стать мерой усиления ответственности, трудоспособности, сознательности населения. Так поначалу и было на волне патриотического подъёма. С закрытием казённых винных лавок, как сообщали владельцы крупных мастерских, артелей грузчиков, заказы стали исполняться аккуратно и в срок, повысилась производительность труда [15, с. 3].

Однако введение сухого закона недолго радовало общественность. Народное творчество крестьян Костромской губернии не обошло его стороной и запечатлело в частушках:

Государевым приказом
Все казёнки к шаху разом.
Нет вам, пьяницы, вина –
Теперь с Германией война.

Ой, Германия, Германия!
С Германией война
Ты оставила, Германия,
Без выпивки меня.

Вы австрийцы – азиаты,
Из-за вас идём в солдаты;
Из-за немца-подлеца
Нет и рюмочки винца.

Некрута, вы, некрута –
Безчастны уродилися.
Где бы водочки попить,
Да казёночки закрылися [16, с. 36].

Ограничение, а затем и полное запрещение властями продажи алкоголя способствовало развитию спекулятивного производства и торговле спиртными напитками, увеличило ажиотажный спрос среди населения на эту продукцию, а также стимулировало выпуск различных суррогатов, в том числе и опасных для жизни [17].

Несколько месяцев спустя после введения сухого закона случаи отравления денатуратом стали постоянным явлением [18, с. 3]. В начале октября 1914 г. в полицейскую часть г. Костромы был доставлен «некто Жуков», отравившийся денатурированным спиртом [19, с. 3]. Ввиду отсутствия алкогольных напитков находчивые крестьяне использовали помимо денатурата одеколон, смешанный с хлебным квасом, а также киндер-бальзам, употребление которых иногда приводило к смерти. Так, перебрав одеколону, согласно сообщению одной из газет, не дождавшись медицинской помощи, скоропостижно скончался С.И. Баскаков [20, с. 3]. Административные взыскания не заставили себя долго ждать. За появление в общественном месте в состоянии опьянения после употребления киндер-бальзама, крестьянин М.П. Смирнов получил штраф в 100 рублей, но, не имея возможности выплатить эту сумму, оказался под арестом на 2 месяца. Такой же штраф, с заменой на месяц заключения получил крестьянин П.В. Смирнов за приведение политуры в пригодный для употребления вид и появление пьяным в Костроме в общественном месте. А крестьянки М.М. Бобкова и А.Д. Петеркова получили штраф в 25 рублей за приведение одеколону в пригодное к употреблению состояние [21, с. 3]. В аптеках по фиктивным рецептам «неведомых» врачей Соколова, Иванова, Кузнецова и других, схожих в почерке, и, видимо, являвшихся одним лицом, можно было получить спирт для лечебных целей [22, с. 3]. 4 февраля 1915 г. в Костромскую уездную земскую больницу был доставлен отравившийся денатурированным спиртом крестьянин деревни Жарки Николай Кронов. Медицинский персонал больницы констатировал, что за последнее время такие «больные» доставляются чуть ли не каждый день. Денатуратом не брезговали и «дамы», так, например, в той же больнице находились на излечении отравившиеся денатурированным спиртом две крестьянки, причём одна пребывала буквально в состоянии сумасшествия и её пришлось связать [23, с. 3]. Поскольку появился спрос на алкоголь, то активизировались и производители низкокачественной алкогольной продукции. В связи с возросшим употреблением денатурированного спирта в Ветлужском лесном районе отмечалось усиление деятельности кустарей по сухой перегонке дерева. Денатурат для

улучшения вкуса разводили квасом, иногда добавляя мёд. Политуру или лак заливали горячей водой (или кипятили), подсаливали, взбалтывали, давали отстояться и выпивали, не разбавляя. После употребления суррогата быстро наступало опьянение до потери сознания, а отрезвевшие в полицейском каземате не могли вспомнить, что с ними происходило [24]. В чайной Союза русского народа на Молочной горе продавался денатурированный спирт. «Бутылка денатурата в чайной стоит 5 рублей, разливается в чайники» [25, л. 9, 9 об.], сообщала 3 апреля 1916 г. газета «Речь».

Газета «Курьер» 19 мая 1916 года писала, что за последние дни в полицейском участке было составлено более 50 протоколов за изготовление браги. Две крестьянки, делавшие горячительные напитки повышенного градуса, были посажены в тюрьму, что, отмечалось в «Курьере», «произвело отрезвляющее действие» [26, с. 3]. Летом 1916 г. в губернии начались проблемы с сахаром. По всей видимости, причина дефицита крылась и в усиленном самогоноварении. Ввиду отсутствия сахарного песка изготовители браги начали использовать мёд, что приводило к повышенному спросу, а затем и росту цен на пчеловодческий продукт – до 1 рубля за фунт. Да и по этой цене к концу июня 1916 г. в г. Костроме чистый мёд найти было сложно, поскольку для удешевления продукта в него стали добавлять картофельный крахмал. Разумеется, и брага на меду стоила дороже, примерно 1 рубль за четверть (3 литра). «Теперь снова, как и прежде за нетрезвое время в праздники разгул не от вина, а от пива и браги, сваренных для домашнего обихода. Хотя пиво и брага готовятся примитивным способом, в корчагах и на печках, тем не менее, сдобренная сахарным песком, хмелем или дрожжами, получается приятный на вкус напиток и всеми употребляется с большим удовольствием. В приготовлении пива и браги крестьяне стараются превзойти друг друга», – сообщал 3 мая 1916 г. варнавинский уездный исправник [27, л. 51–52]. Но и власти не дремали: на браговаров производили облавы, ужесточились наказания за алкогольные провинности до штрафа (до 3000 руб.) или ареста сроком на 3 месяца [28, с. 1]. Крестьяне Матвей Михайлович Смирнов и Петр Алексеевич Алексеев за употребление спиртных напитков встали перед выбором – выплатить по 50 руб. с каждого или оказаться под арестом на 2 недели [29, л. 43]. В итоге им пришлось отбывать наказание при камерах полицейского управления [29, л. 25, 46]. Однако и в исправительных учреждениях не всё было гладко. В женском отделении губернской тюрьмы в свободное время брагу гнала старшая тюремная надзирательница Соколова [30, с. 4], а бывший надзиратель арестантского отделения Чистяков в своей квартире обустроил «аппарат для выделки спирта с трубочками и холодильником» [31, с. 3].

Крестьянин П. Уткин написал в «Известия Костромского губернского земства» что в Костромском уезде в местных чайных торгуют брагой. «В то время, когда немцы изобретают разное оружие для сокрушения нашей армии, у нас в деревне мысль работает над тем, как бы покрепче брагу сварить, чтобы со стакана и повалиться на землю» [32, с. 21–

22]. Если в последний предвоенный год по всей стране было отмечено около 600 случаев незаконного производства крепкого алкоголя, в 1915 г. – 6000, то в 1917 г. фактов незаконного винокурения насчитывалось более чем 9000 [33]. В 1917 г. с началом революции проблемы с сухим законом только обостряются. Алкогольные ограничения на фоне стрессов, связанных с мобилизацией и потерей близких на фронте, инфляции, перебоев с поставками продовольствия, слухах о предателях и шпионах во власти создавали в городах (в первую очередь в Петрограде) взрывоопасную атмосферу, давшую о себе знать в феврале-марте 1917 года. Начавшись с забастовок из-за перебоев с поставками хлеба, революционные потрясения продолжились погромами винных складов [34, с. 5].

Население пыталось добраться до винных запасов. В ситуации политического хаоса стали учащаться алкогольные погромы. Как отмечается, за годы войны на винных складах скопилось 70 млн ведер водки. Временное правительство 9 марта 1917 г. направило всем губернским комиссарам телеграмму: «Примите срочные меры охраны заводов, имеющих склады спирта». 27 марта 1917 г. распоряжением Временного правительства была запрещена повсеместная продажа «для питьевого потребления крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ из каких бы припасов и материалов и какими бы способами эти напитки и вещества ни были приготовлены» [35].

В Костромской губернии 21 апреля 1917 г. Юрьевец запросил наряд из 30 солдат для охраны складов [36, л. 333], а из Ветлуги властям пришлось вывезти запас спирта [36, л. 278]. Летом 1917 г. в Костроме продолжалось браговарение, фиксировались случаи распития алкогольных суррогатов. Местное население не брезговало употреблять и парфюмерию. Костромскому губернскому комиссару Н.А. Козлову 25 июня 1917 г. пришлось даже ограничить продажу одеколона: не более 100 г в одни руки [37, с. 1]. С 3 сентября рецепты больным на вино, коньяк, спирт выдавались на бланках с печатью комиссара или начальника милиции, а также именной печатью врача [38, с. 1].

25 октября 1917 г. начались беспорядки в Галиче. Винные склады и магазины были разграблены, город оказался во власти пьяной толпы. Прибывшие 26 октября для установления порядка солдаты из Ярославля употребили спиртные напитки и ухудшили положение [39, с. 93]. Несмотря на усмирение мародёров, с 30 октября волна погромов перекинулась в уезд, где бушевала ещё 2 дня. В Чухломе народ потребовал у комиссии продать алкоголь населению. «До глубокой ночи в подвалах погребов мерцал огонёк и тянулись по городу длинные вереницы удовлетворенных жителей» [40, с. 4], – сообщалось в местной печати.

В г. Костроме, по воспоминаниям Н.А. Фигуровского, в конце октября 1917 г. толпа разграбила казённый винный склад и стала подбираться к цистерне со спиртом, стоявшей на берегу Волги. Солдаты разогнали толпу, а спирт ночью слили в Волгу. Спирт стекал медленно, а в нескольких метрах ниже

по течению находился водозабор местного водопровода. К утру в водонапорной башне оказалась водка невысокой крепости. Как следствие, в местной семинарии, которую заканчивал автор воспоминаний, в тот день многие были «навеселе» [41, с. 146–147]. Практика уничтожать спирт сливом в реки существовала и в других губерниях, поскольку вывезти его не было возможности [42, с. 63–68.]. Таким образом, за годы Первой мировой войны сухой закон прошёл путь от одобрения на волне патриотических настроений до самогонварения и употребления ядовитых заменителей. В революционный период 1917 г. начались стихийные погромы винных складов.

Выводы

Сухой закон 1914 г. был одной из форм продовольственного вопроса. Поначалу запрет употребления алкоголя имел положительные последствия и понимание в обществе, однако народный энтузиазм

просуществовал недолго. Любители напитков крепче заменили спиртное разного рода денатурами. Активно стало развиваться самогонварение, для которого требовался дефицитный сахар, а когда его не было – в дело шёл мёд, что сказывалось на росте цены готового продукта. Население достаточно быстро отказалось от сухого закона, изобретая всё более изощрённые способы его преодоления. Сухой закон вызывал известное недовольство в обществе. Для высшего света алкоголь оставался доступным. С началом революционных событий в 1917 г. объектом внимания истосковавшегося по алкоголю населения оказались винные склады. Сухой закон стал одним из слагающих факторов народного недовольства в годы Первой мировой войны.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Блиняев С.Н., Широков О.Н. Введение сухого закона в Казанской губернии в годы первой мировой войны // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, № 3. С. 665–675.
2. Отголоски событий // Поволжский вестник. 1914. 18 июля.
3. Борьба с пьянством и дороговизной продуктов в Пучеже // Поволжский вестник. 1914. 10 августа.
4. Борьба с пьянством // Поволжский вестник. 1914. 10 августа.
5. Возбуждение ходатайства о воспрещении торговли виноградными винами // Поволжский вестник. 1914. 14 сентября.
6. Г. Кадый // Поволжский вестник. 1914. 10 августа.
7. Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 135. Оп. 23. Д. 355.
8. Борьба с пьянством с. Куниково // Поволжский вестник. 1914. 17 августа.
9. ГАКО. Ф. 135. Оп. 23. Д. 355.
10. Борьба с пьянством // Поволжский вестник. 1914. 14 августа.
11. Закрытие казённых лавок // Поволжский вестник. 1914. 21 августа.
12. Богданов С.В. «Пьяная» городская повседневность во время «сухого закона» (вторая половина 1914 – 1915 год) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 2. С. 4–23.
13. Карандашев Г.В. Фальсификаты и суррогаты: незаконный оборот и потребление спиртосодержащей продукции в Российской провинции в начале XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 3. С. 308–311.
14. Обязательное постановление Главноначальствующего Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. 1914. 4 октября.
15. Закрытие казённых лавок // Поволжский вестник. 1914. 21 августа.
16. Смирнов В.И. Отношение деревни к войне: по данным КНОИМК. Кострома, 1916. 47 с.
17. Чуканов И.А. Введение сухого закона в 1914 г.: необходимость и последствия // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 3 (5). С. 69–72.
18. Отравившиеся денатурированным спиртом // Поволжский вестник. 1915. 6 января.
19. Опять «денатурат» // Поволжский вестник. 1914. 3 октября.
20. Отравление одеколоном // Поволжский вестник. 1914. 10 октября.
21. За нарушение обязательных постановлений // Поволжский вестник. 1914. 4 ноября.
22. В поисках алкоголя // Поволжский вестник. 1914. 20 ноября.
23. Отравление денатуратом // Курьер. 1915. 5 февраля.
24. Богданов С.В. «Сухой закон» и его нарушители (Тверская губерния, август–декабрь 1914 года) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 1. С. 22–40.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 125. 30 ч. Д. 8.
26. За брагу // Курьер. 1916. 19 мая.
27. ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 870. Л. 51–52.
28. Меры борьбы с пьянством // Курьер. 1916. 1 июля.
29. ГАКО. Ф. 133. Оп. 31. Д. 925.
30. Досуг тюремной надзирательницы // Русское слово. 1916. 3 апреля.
31. Тайное винокурение // Курьер. 1916. 8 мая.
32. Брага // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 15.

33. Цуканов Д.А. Реализация «Сухого закона» на территории Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 2. С. 89–93.
34. Шевченко И.А. «Сухой закон» 1914 года в городе и деревне: сравнительный анализ // *Studia Humanitatis*. 2020. № 4.
35. Маюров А.Н. Сухой закон в Российской империи – РСФСР (1914–1920 годы) // Экономические стратегии. 2014. Т. 16, № 4 (120). С. 94–107.
36. ГАКО. Ф. 1288. Оп. 1. Д. 1.
37. Постановление костромского Губернского Комиссара // Известия костромского объединённого комитета общественной безопасности. 1917. 25 июня.
38. Правила о прописывании виноградных вин // Известия Костромского объединённого комитета общественной безопасности. 1917. 3 сентября.
39. Хроника революционных событий 1917 года в Костроме / сост. А.М. Белов. Кострома, 2017. 144 с.
40. Вопрос об уничтожении вина // Воля народа. 1917. 10 ноября.
41. Фигуровский Н.А. «Я помню...». Автобиографические записки и воспоминания / сост., статья и примеч. С.С. Илизарова. М., 2009.
42. Карандашев Г.В. Алкоголь и революция: из истории питейной проблемы в Ярославской губернии в 1917 г. // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского», Ярославль, 02–03 марта 2017 года. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2017.

References

1. Blinyaev, S.N. Shirokov, O.N. (2018) Introducing the Dry Law in the Kazan Governorate during the World War I. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 160 (3), 665–675. (in Russian)
2. Otgoloski sobytii (1914) [Echoes of events]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
3. Bor'ba s p'yanstvom i dorogoviznoi produktov v Puchezhe (1914) [The fight against drunkenness and the high cost of food in Puchezh]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
4. Bor'ba s p'yanstvom (1914) [The fight against drunkenness]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
5. Vozbuzhdenie khodataistva o vospreshchenii trgovli vinogradnymi vinami (1914) [Initiation of a petition to prohibit the trade in grape wines] *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
6. G. Kadyi (1914) [G. Kadyi]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
7. Gosudarstvennyi arkhiv Kostromskoi oblasti (dalee – GAKO) [State Archive of the Kostroma Region]. F. 135. Op. 23. D. 355.
8. Bor'ba s p'yanstvom s. Kunikovo (1914) [Struggle against drunkenness in Kunikovo]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
9. GAKO. F. 135. Op. 23. D. 355.
10. Bor'ba s p'yanstvom (1914) [Struggle with drunkenness]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
11. Zakrytie kazennykh lavok (1914) [Closing of state-owned shops]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
12. Bogdanov, S.V. (2015) «Drunken» daily life in the city during the «suhoy zakon» («prohibition») (second half of 1914–1915). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. (2), 4–23. (in Russian)
13. Karandashev, G.V. (2017) Counterfeits and Surrogates: Trafficking and Consumption of Alcohol Products in the Russian Province in the early XX century. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. (3), 308–311. (In Russian)
14. Obyazatel'noe postanovlenie Glavnonachal'stvuyushchego kostromskoi gubernii (1914) [Mandatory resolution of the Commander-in-Chief Kostroma province]. *Kostromskie gubernskie vedomosti*. (in Russian)
15. Zakrytie kazennykh lavok (1914) [Closing of state-owned shops]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
16. Smirnov, V.I. (1916) *Otnoshenie derevni k voine: po dannym KNOIMK*. [The attitude of the village to the war: according to the KNOIMK]. Kostroma. (in Russian)
17. Chukanov, I.A. (2013) Dry law of 1914: Necessity and Consequences. *Povolzhskii pedagogicheskii poisk*. 3 (5), 69–72. (in Russian)
18. Otravivshiesya denaturirovannym spirtom (1915) [Poisoned by denatured alcohol]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
19. Opyat' «denaturat» (1914) [Again "denatured"]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
20. Otravlenie odekolonom (1914) [Poisoning with cologne]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
21. Za narushenie obyazatel'nykh postanovlenii (1914) [For violation of mandatory regulations]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
22. V poiskakh alkogolya (1914) [In search of alcohol]. *Povolzhskii vestnik*. (in Russian)
23. Otravlenie denaturatom (1915) [Denaturation poisoning]. *Kur'er*. (in Russian)
24. Bogdanov, S.V. (2015) «Suhoy zakon» («prohibition») and violators (Tver province, august-december 1914). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. (1), 22–40. (in Russian)
25. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. F. 102. Op. 125. 30 ch. D. 8.
26. Za bragu (1916) [For braga]. *Kur'er*. (in Russian)
27. GAKO. F. 133. Op. 31. D. 870.

28. Mery bor'by s p'yanstvom (1916) [Measures to combat drunkenness]. *Kur'er*. (in Russian)
29. GAKO. F. 133. Op. 31. D. 925.
30. Dosug tyuremnoi nadziratel'nitsy (1916) [Leisure of the prison warden]. *Russkoe slovo*. (in Russian)
31. Tainoe vinokurenje (1918) [Secret distillery]. *Kur'er*. (in Russian)
32. Braga (1916) [Braga]. *Izvestiya Kostromskogo gubernskogo zemstva*. (15). (in Russian)
33. Tsukanov, D.A. (2019) Realizatsiya "Sukhogo zakona" na territorii Voronezhskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [Implementation of the "Dry Law" on the territory of the Voronezh province during the First World War]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. Sotsiologiya*. (2), 89–93. (in Russian)
34. Shevchenko, I.A. (2020) "The "dry law" of 1914 and the great Russian village: a sociocultural dimension. *Studia Humanitatis*. (4). (in Russian)
35. Mayurov, A.N. (2014) Sukhoi zakon v Rossiiskoi imperii – RSFSR (1914–1920 gody) [Dry Law in the Russian Empire – RSFSR (1914–1920)]. *Ekonomicheskie strategii*. 4 (120), 94–107. (in Russian)
36. GAKO. F. 1288. Op. 1. D. 1.
37. Postanovlenie kostromskogo Gubernskogo Komissara (1917) [Resolution of the Kostroma Provincial Commissar]. *Izvestiya kostromskogo ob'edinennogo komiteta obshchestvennoi bezopasnosti*. (in Russian)
38. Pravila o propisyvanii vinogradnykh vin (1917) [Rules on prescribing grape wines]. *Izvestiya Kostromskogo ob'edinennogo komiteta obshchestvennoi bezopasnosti*. (in Russian)
39. Belov, A.M. (2017) *Khronika revolyutsionnykh sobytii 1917 goda v Kostrome* [Chronicle of the revolutionary events of 1917 in Kostroma]. Kostroma. (in Russian)
40. Vopros ob unichtozhenii vina (1917) [The question of the destruction of wine]. *Volya naroda*. (in Russian)
41. Figurovskii, N.A. (2009) «Ya pomnyu...». *Avtobiograficheskie zapiski i vospominaniya*. ["I remember...". Autobiographical notes and memoirs.]. Moscow. (in Russian)
42. Karandashev, G.V. (2017) Alcohol and revolution: from the history of the drinking problem in Yaroslavl province in 1917. In: *Questions of domestic and foreign history, political science, sociology, theology, education: materials of the conference "Readings of Ushinsky"*. Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. (in Russian)

Поступила в редакцию 04.05.2022

Подписана в печать 28.03.2023

Original article

UDC 94 (47) "1914/1918"

DOI 10.47438/2309-7078_2023_1_151

**THE DRY LAW OF 1914 AND THE ATTITUDE TO IT IN THE PROVINCE
(BY THE MATERIALS OF THE KOSTROMA PROVINCE)**

Vladislav A. Kolesnikov¹

*Kostroma State University¹
Kostroma, Russia*

¹*Postgraduate Student of the Department of History,
ORCID ID: 0000-0001-6928-9605, e-mail: vladkoles95@yandex.ru*

Abstract. The First World War brought a number of changes in the life of the Russian inhabitants. In addition to a number of structural crises, the population faced dry law. With the beginning of the war, the sale of alcoholic beverages was stopped, a system of fines and prohibitions was introduced on the sale of alcohol, appearing in public places while intoxicated, etc. The population initially met the prohibition on the wave of a patriotic upsurge with enthusiasm. In the Kostroma province, there was a call to stop the sale of alcohol "forever", zemstvos, dumas, peasant gatherings took initiatives. However, soon lovers of stronger drinks began to look for ways to get alcohol or its substitutes. In the course was denatured alcohol, cologne and other alcohol-containing liquids. In the Kostroma province, cases of poisoning by surrogates are becoming a frequent occurrence. In the villages, peasants continued to produce alcoholic beverages. Moonshine brewing became more active, cases of bringing denatured alcohol into a usable state were recorded. In 1917, individual members of the population rob alcohol from state-owned wine warehouses. The facts of pogroms are fixed. Prohibition eventually became one of the components of public discontent during the First World War.

Key words: World War I, Kostroma province, alcohol, prohibition, brewing, riots.

Cite as: Kolesnikov, V.A. (2023) The dry law of 1914 and the attitude to it in the province (by the materials of the Kostroma province). *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (1), 151–156. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2023_1_151

Received 04.05.2022

Accepted 28.03.2023